

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-560-571

УДК: 811.161.1'37:821.161.1

Научная статья / Research article

Метод текстового семантического поля как возможность системного подхода к изучению художественного текста: на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»

Ван На¹, Ярослав Кобылко^{1,2}

¹ Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 7, Москва, Российская Федерация, 117198

² Варшавский университет
ул. Krakowskie Przedmieście, 26/28, Варшава, Польша, 00-927

²jaroslaw.kobyлко@yandex.ru

Статья посвящена выявлению объяснительного потенциала метода текстового семантического поля как метода системного в понимании характера связей разных уровней художественного текста, что позволяет выйти на сверхкатегорию образа автора, выступающую как организирующее начало художественного текста. Таким образом, текстовое семантическое поле выступает и объектом, и методом проведенного исследования. Исследование проводилось на материале романа И.С. Тургенева. Сравнение полученных результатов с характером формирования текстовых семантических полей в текстах иной этиологии, представленном О.И. Валентиновой в исследованиях полифоничных текстов и в исследовании литургийной проповеди, проведенном М.Ю. Медведевым, позволило получить дополнительные результаты. Методом сравнительного анализа было установлено, что преодоление оппозиций естественного языка, имманентно свойственное художественному тексту, может проявляться в большей или меньшей степени: от ослабления семантических оппозиций общеупотребительного языка за счет усиленного семантического сближения неявно связанных семантических единиц, что можно наблюдать, как показывает проведенное исследование, в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», до совершенного разрушения оппозиций естественного языка, исходно присущего эстетике полифонии. Проведенное сравнение позволило уточнить, что принципы организации текстовых семантических полей в художественных текстах могут выполнять противоположные функции: способствовать повышению семиотической значимости категории образа, как это происходит в анализируемом нами романе И.С. Тургенева, или, напротив, свидетельствовать о снижении семиотической значимости категории образа, что является конститутивным свойством полифоничных текстов. Применение сравнительного метода позволило также показать, что преодоление оппозиций естественного языка, являясь механизмом образования текстовых семантических полей не только художественного текста, но и семиотически сложных текстов иной этиологии, выполняет разные функции. Сравнение характера образования текстовых семантических полей в художественных текстах с принципом образования текстовых полей в православной литургий-

© Ван Н., Кобылко Я., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ной проповеди позволило уточнить, что если разрушение оппозиций естественного языка в художественном тексте формирует окказиональные оппозиции, выводящие на «я» художника, то преодоление оппозиций естественного языка в литургийной проповеди выводит на онтологические смыслы, существующие вне воли и сознания проповедника.

Ключевые слова: текстовое семантическое поле, системный подход, художественный текст, контекст, семантическая оппозиция

История статьи:

Дата поступления: 10.03.2020

Дата приема в печать: 10.04.2020

Для цитирования:

Ван Н., Кобылко Я. Метод текстового семантического поля как возможность системного подхода к изучению художественного текста: на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. С. 560—571. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-560-571

UDK: 811.161.1'37:821.161.1

Text Semantic Field Method as a Possibility of Systemic Approach to the Study of Literary Text: on the Material of the Novel “HOME OF THE GENTRY” by I.S. Turgenev

Van Na¹, Jaroslaw Kobyлко^{1,2}

¹RUDN University

6, Miklukho-Maklaya, Moscow, Russian Federation, 117198

²University of Warsaw

26/28, Krakowskie Przedmieście, Warsaw, Poland, 00-927

²jaroslaw.kobyлко@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to identifying the explanatory potential of the text semantic field method as a system method in understanding the nature of connections between different levels of a literary text. It allows us to reach the super-category of the author's image, which acts as the organizing beginning of a literary text. Thus, the text semantic field is both the object and the method of the research. The method of comparative analysis revealed that the overcoming of natural language oppositions, inherent in the artistic text, can be manifested to a greater or lesser extent: from the weakening of semantic oppositions of natural language due to the enhanced semantic convergence of implicitly related semantic units, which can be observed, as shown by the study, in the novel by I.S. Turgenev “Home of the Gentry”, to the complete destruction of natural language oppositions, originally inherent, as it was proved in the works of O.I. Valentinova, in the aesthetics of polyphony. The comparison made possible to clarify that the principles of the organization of text semantic fields in artistic texts can perform opposite functions: to increase the semiotic significance of the image category, as it happens in the novel analyzed by I.S. Turgenev, or, on the contrary, as proved in the research of O.I. Valentinova, to indicate a decrease in the semiotic significance of the image category, which is a constitutive property of polyphonic texts. The use of the comparative method also allowed us to show that overcoming the oppositions of natural language, as a mechanism for the formation of text semantic fields not only of a literary text, but also semiotically

complex texts of a different etiology, performs different functions. A comparison of character education text semantic fields of literary texts with the study of E.Yu. Medvedev the principle of formation of the text fields in the Orthodox liturgical sermons have clarified that if the destruction of the oppositions of natural language in a literary text generates occasional oppositions, will appear on the 'me' of the artist, overcoming the oppositions of natural language in liturgical preaching brings to the ontological meanings that exist outside of the will and consciousness of the preacher.

Key words: text semantic field, systematic approach, literary text, context, semantic opposition

Article history:

Received: 10.03.2020

Accepted: 10.04.2020

For citation:

Van Na, Jaroslaw Kobylo (2020). Text Semantic Field Method as a Possibility of Systemic Approach to the Study of Literary Text: on the Material of the Novel "HOME OF THE GENTRY" by I.S. Turgenev. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 560—571. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-560-571

Введение

Понятие текстового семантического поля в филологическую науку вводит профессор Л.А. Новиков, раскрывая его содержание через соотнесение с понятием языкового семантического поля [1].

Текстовое семантическое поле в понимании Л.А. Новикова представляет собой систему окказиональных (в сравнении с языковым семантическим полем) группировок и оппозиций лексических единиц и их значений, которые в художественном тексте существуют в неявно выраженной форме и нуждаются в выведении. Текстовое семантическое поле в сравнении с языковым семантическим полем обладает большей размытостью, подвижностью, динамичностью и гибкостью и меньшей определенностью [2. С. 556], однако именно в текстовом семантическом поле обнаруживают себя творческие намерения автора, авторский замысел.

Особенности текстового семантического поля

В текстовом семантическом поле сложно определить ядро и периферию, в решении этого вопроса нельзя полагаться на принципы определения ядра в языковом семантическом поле.

Обычно считается, что критериями структурирования текстового поля выступают такие признаки лексических единиц, как идейно-художественная значимость, функционально-эстетическая нагрузка, смысловое наполнение, частота употребления в тексте. Действительно, если художественный текст представляет собой поток сознания, то повторяться и закрепляться будет именно то, что тревожит художника. Очевидно, однако, что большее закрепление того или иного элемента формируемого текстового поля далеко не всегда достигается лексическими повторами (что могло бы свидетельствовать о движении (устремлении) этого элемента в ядерную часть поля), а

обнаруживается крайне сложно. Кроме того, показателем высокой эстетической ценности того или иного элемента может быть и однократное резкое нарушение формирующихся регулярных (в том числе семантических) отношений в тексте. Поэтому каждый раз вопрос о выявлении актуализированного элемента через обнаружение способа его актуализации будет решаться исследователем только в отношении определенного художественного текста, иначе можно приписать тексту чуждые ему смыслы.

Затруднительным при реконструкции текстового семантического поля может оказаться и определение его центра, а значит, и определение названия, имени поля.

Именем языкового поля обычно служит слово, значение которого характеризуется однозначностью, отсутствием эмоциональной окраски и образности [3. С. 153]. В художественном же тексте значения слов, оказывающихся в эпицентре категории эстетически значимого, характеризуются высокой образностью [4. С. 357—358; 5. С. 625]. Поэтому имя, присваиваемое текстовому семантическому полю, может оказаться условным.

Сложность реконструкции текстового поля определяется и тем обстоятельством, что значения составляющих его единиц и семантические отношения между ними обуславливаются контекстом.

Разрабатывая системные принципы исследования семиотически сложных текстов, к которым, безусловно, относятся представляющие собой вторичную моделирующую систему художественные тексты, О.И. Валентинова вводит понятие смыслоформирующего контекста, подчеркивая — в свете предлагаемого ученым системного подхода — *методологическую необходимость* «понимания смыслоформирующего контекста как категории динамичной, меняющейся в разных точках текста и направление, и траекторию движения, и объем, склонной то к сужению, то к расширению, работающей при определенных условиях в пределах текста или выходящей за его пределы в культурно-историческую среду» [6. С. 408]. Чем сложнее семантическая структура художественного текста, тем сложнее определить границы смыслоформирующего контекста каждой отдельной единицы. Смыслоформирующий контекст может находиться в разных точках текста, может располагаться отдаленно от семантизируемого элемента, может быть равным всему тексту. Неверно установленные пределы контекста нарушат внутреннюю связь, присущую тексту, и создадут препятствия для его правильного истолкования: «Вопрос об установлении границ смыслоформирующего контекста является принципиальным в решении проблемы достоверного понимания» [там же]. Необходимо отметить, что понятие смыслоформирующего контекста в концепции О.И. Валентиновой значимо для определения смысловой, а значит и эстетической, ценности любого элемента текста любого уровня: смыслоформирующий контекст — «контекст, организующий и закрепляющий семантическую структуру слова, значение высказывания, функцию (предназначение) конструктивного элемента текста любого уровня» [там же].

Преодоление семантических оппозиций естественного языка

Художественный текст «может нейтрализовать различия единиц, принадлежащих в языке разным полям, и наоборот, дифференцировать то, что является подобными единицами» [7. С. 176], а значит, в основе организации текстового семантического поля лежит преодоление оппозиций естественного языка (см. О.И. Валентинова: 8; 9; 10; Е.Ю. Медведев: 11; 12).

Преодоление же оппозиций естественного языка, имманентно свойственное художественному тексту, может проявляться в большей или меньшей степени: *от ослабления семантических оппозиций естественного языка* за счет усиленного семантического сближения неявно связанных семантических единиц, что можно наблюдать, как мы покажем далее, в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», *до совершенного разрушения оппозиций естественного языка*, исходно присущего, как это было доказано в работах О.И. Валентиновой, эстетике полифонии, поскольку «в гипертрофированном полифоничном тексте **одно и то же высказывание может принадлежать разным субъектам, быть направленным на разные объекты и обладать сколь угодно обширным спектром значений без каких бы то ни было ограничений** (выделено нами. — В.Н., Я.К.). При этом все значения многозначного высказывания обнаруживают тенденцию к равномерной актуализации и склонны переходить с одного объекта речи на другой, независимо от того, какое именно значение связывалось с тем или иным образом в линейной реальности текста» [8. С. 145]. Наделение же высказывания «*сколь угодно обширным спектром значений без каких бы то ни было ограничений*» [там же] предполагает принципиальное разрушение оппозиций естественного языка.

Однако преодоление оппозиций естественного языка является конститутивным свойством не только художественного текста. Оно характерно и для семиотически сложных текстов иной этиологии, например, как показал М.Ю. Медведев [11; 12; 13], для православной литургийной проповеди, составленной на русском языке. И в эстетике полифонии, и в православной литургийной проповеди, составленной на русском языке, семантические оппозиции естественного языка разрушаются принципиально. Однако конечные функции преодоления семантических оппозиций естественного языка будут разными. В полифонии итогом разрушения будет создание «*апокрифической этической картины мира*» [8. С. 254]. И если формирование апокрифичной картины мира как общий вектор семантического развития полифоничных текстов, — типологически значимое свойство эстетики полифонии [8], а значит, может воспроизводиться в пространстве и во времени разными художниками, то внутренняя реализация этой семантической тенденции, наполнение определенными смыслами всегда будет сугубо индивидуальным, причем не только для каждого отдельного мастера, но и для каждого отдельно произведения.

Напротив, формирование семантических оппозиций православной литургийной проповеди, составленной на русском языке, за счет преодоления оппозиции естественного языка будет характеризоваться устойчивостью не только общего семантического вектора, но в значительной степени и его наполнения, поскольку задача составителя проповеди — не выразить свое «я», а выйти на онтологические достоверные смыслы, которые в русской культуре в ходе длительного взаимодействия духовного, церковнославянского и повседневного (сначала древнерусского, потом русского) исказились в семантической структуре современного русского языка. Поэтому «переустановление семантических оппозиций считается одним из принципов организации литургийной проповеди» [11. С. 654]. Иначе невозможно преодолеть иллюзию понимания у неподготовленных слушателей, ошибочно приписывающих концептуально значимым высказываниям литургийной проповеди, составленной на русском языке, значения омонимичных высказываний естественного языка. Между светской и богословской семиотическими системами наблюдается асимметричность, поэтому «точки отсчета установления противоположностей в каждой из систем не совпадают» [11. С. 659].

Преодоление оппозиций естественного языка в литургийной проповеди выводит на онтологические смыслы, существующие вне воли и сознания проповедника, разрушение оппозиций естественного языка в художественном тексте — выводит на «я» художника, ведь произведение искусства единично, и потому возникающие в эстетически организованном пространстве семантические оппозиции будут окказиональными.

Формирование семантических сгущений в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»

В романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» к усиленному семантическому сближению устремляются единицы, имеющие смысловые пересечения и в общеупотребительном языке. Например: *сплетничать*, *хитрить*, *сочинять*.

Уточним контекст. Гедеоновский приходит в дом Калитиных в гости и приносит всем новость о Лаврецком: Лаврецкий уже вернулся в Россию и выздоровел.

«Федя! — воскликнула Марфа Тимофеевна. — Да ты [Гедеоновский], полно, не сочиняешь ли, отец мой?»

Никак нет-с, я их (Федю) самолично видел. — Ну, это еще не доказательство.

Очень поздоровели, — продолжал Гедеоновский, показывая вид, будто не слышал замечания Марфы Тимофеевны...

Да-с, — возразил Гедеоновский, — другой на его месте и в свет-то показаться посовестился бы.

Это отчего? — перебила Марья Тимофеевна, — это что за вздор? Человек возвратился на родину — куда ж ему деться прикажете? И благо он в чем виноват был!

Марфа Тимофеевна быстро взглянула на него [Гедеоновского].

А тому назначается, — возразила она, — кто никогда не сплетничает, не хитрит и не сочиняет, если только есть на свете такой человек. ... — А ты [Гедеоновский] теперь, мой батюшка, на ком угодно зубки точи, хоть на мне [Марфе Тимофеевне] [14. С. 11—12].

Сплетничать означает ‘разносить сплетни’, то есть ‘недоброжелательные или порочащие слухи о ком-нибудь, распространяемые на основании неверных, неточных и измышленных сведений’ [15]; хитрить — ‘придумывать замысловатое, хитрое, искусное’, сочинять — ‘придумывать, вымышлять’, а точить зубки на ком-то — ‘пустословить, болтать вздор о ком-то’ [16]. Эти значения зафиксированы в толковых словарях, но в романе И.С. Тургенева они вступают в отношения взаимопредположения.

Все они характеризуют образ Гедеоновского: Гедеоновский — это ‘тот, кто сочиняет’, ‘тот, кто хитрит и сплетничает’, а также ‘тот, кто показывает вид, притворяется’, ‘тот, кто говорит вздор’, ‘тот, кто зубки точит на ком-то, то есть говорит о ком-то зло’, ‘тот, кто принужденно, то есть через силу, искусственно улыбается’.

Образуемые в романе И.С. Тургенева текстовые семантические сгущения, имеющие потенциальную возможность развиваться в текстовые семантические поля, тесно связаны с определенными образами Гедеоновского, Лаврецкого, Паншина и Варвары Павловны.

Содержательная структура образа Гедеоновского опирается на текстовое семантическое поле, компоненты которого тесно связаны, но логические отношения между ними можно обозначить только как взаимопредполагающие друг друга, без дальнейшего уточнения:

‘тот, кто повздыхал бы вместе с кем-то — кто соврал бы что-нибудь — тот, кого вытащили за уши из грязи — кто выглядит смиренником — кто солжет — кто насплетничает — кто все лижет ручки — попович — непочтенный — неприятный’.

Одновременно формируется более слабое текстовое поле ‘почтенный — приятный — тихий — кто предан — о ком равнодушно нельзя вспомнить — не без греха, как все’:

Фрагмент разговора Марфы Тимофеевны с Марьей Дмитривной:

«Что это Гедеоновский нейдет? — проговорила Марфа Тимофеевна, проворно шевеля спицами. — Он бы повздыхал вместе с тобою, — не то соврал бы что-нибудь.

Как вы всегда строго о нем отзываетесь! Сергей Петрович — почтенный человек.

Почтенный! — повторила с укоризной старушка.

*И как он покойному мужу был **предан!** — проговорила Марья Дмитриевна, — до сих пор вспомнить о нем **равнодушно** не может.*

*Еще бы! Тот его за уши **из грязи вытащил**, — проворчала Марфа Тимофеевна, и спицы еще быстрее заходили в ее руках.*

*Глядит таким **смиренником**, — начала она снова, — голова вся седая, а что рот раскроет, то **солжет** или **насплетничает**. А еще **статский советник!** Ну, и то сказать: **попович!***

*Кто же без **греха**, тетушка? Эта **слабость** в нем есть, конечно. Сергей Петрович воспитания, конечно, не получил, по-французски не говорит; но он, воля ваша, **приятный** человек.*

*Да, он **ручки** у тебя все **лижет**. По-французски не говорит, — эка беда! Я сама не сильна во французском «диалекте». Лучшие бы он ни по-каковски не говорил: не **лгал** бы. Да вот он, кстати, **легок на помине**, — прибавила Марфа Тимофеевна, глянув на улицу. — **Вон он шагает, твой приятный человек**» [14. С. 10].*

Антонимичные текстовые поля, которые можно рассматривать и как полюса одного поля, отражают композиционную расстановку образов, проясняющую отношение к образу Гедеоновского: с одной стороны — Мария Дмитриевна, а с другой — Марфа Тимофеевна.

Крайне интересны текстовые антонимы: *попович* — *статский советник*.

Тестовые семантические поля формируются вокруг каждого образа. Еще пример: ‘знакомство водящая с *артистами, пианистами, львами, зверями* — стыд потерявшая совершенно — женщина, ведущая себя неосторожно — нрава непостоянного — которым правила с детства не внушены’

И снова формируемое поле не только характеризует образ-объект высказываний, но и субъектов этих высказываний, а значит, объективно проясняет композиционную расстановку образов, выводит на достоверное понимание особенностей образно-композиционного уровня художественного текста.

*«Да-с, да-с. Ведь она [Варвара Павловна], говорят, и с **артистами**, и с **пианистами**, и, как там по-ихнему, со **львами** да со **зверями** знакомство вела. **Стыд потеряла совершенно...**» [14. С. 12].*

*«— Ах, Сергей Петрович, как я [Марья Дмитриевна] подумаю, как нам, женищинам, нужно **осторожно вести себя!***

*— Женищина женищине розь, Марья Дмитриевна. Есть, к несчастью, такие — **нрава непостоянного...** ну, и лета; опять **правила не внушены** сызмала. Такие женищины, конечно, бывают. Но вообще говоря, если рассудить, то есть... Пыль в городе необыкновенная, — заключил он [там же].*

Еще пример.

*«Простить! — подхватил Лаврецкий. Простить эту женищину [Варвару Павловну], принять ее опять в свой дом, ее, это **пустое, бессердечное существо!** И кто вам сказал, что она хочет возвратиться ко мне? Имя ее*

не должно быть произносимо вами. Вы слишком чисты, вы не в состоянии даже понять такое **существо**.

Зачем оскорблять! — с усилием проговорила Лиза. — Вы сами ее оставили, Федор Иванович.

Но я же вам говорю, — возразил с невольным взрывом нетерпенья Лаврецкий, — вы не знаете, какое это **создание!** [14. С. 72].

‘Кого невозможно простить, принять в свой дом — эта женщина — пу-стая — чье имя не должно быть произносимо чистым человеком — бессердечная — существо, создание’.

Условием для вхождения этих элементов в текстовое поле будет не только синтаксическая позиция, линейные условия их взаимодействия в тексте, но их связанность с характеризуемым ими образом.

Одновременно текстовые семантические поля выводят нас на «я» художника, проявляющееся в тексте в большей степени бессознательно, поскольку художественный текст представляет собой поток сознания:

‘холодный — хитрый — караулить — высматривать — никогда не забыть, не увлечься вполне — пленять — плут — прельстить’:

В душе он [Панишин] был холоден и хитр, и во время самого буйного кутежа его умный карий глазок все караулил и высматривал; этот смелый, этот свободный юноша никогда не мог забыть и увлечься вполне [14. С. 15]

Не нравится он [Панишин] вам [Марфе Тимофеевне]? — сказал Лаврецкий.

Да, не всех же ему пленять. Будет с него и того, что вот Настасья Карповна в него [Панишина] влюблена. ...

И ведь знает, плут, — перебила ее [Марью Дмитриевну] Марфа Тимофеевна, — знает, чем ее прельстит: табакерку ей подарил [14. С. 58].

На уровне естественного языка семантическое пересечение могло бы образоваться между лексемами *холодный* в значении ‘равнодушный, ничего не принимающий к сердцу’ и *хитрый*, а также *караулить* и *высматривать*. В текстовом семантическом поле сближаются все эти элементы, оказываясь в отношениях взаимопредположения.

Пленять — ‘покорить, подчинить своему очарованию’, *плут* — ‘хитрец, лукавец’, *прельстит* — ‘возбудить страсть, влечение’ [17].

Так текстовое поле закрепляется в разных точках линейного развития текста голосами разных героев.

Заключение

Реализуясь и закрепляясь на эстетико-языковом уровне художественного текста, текстовые семантические поля достоверно свидетельствуют об особенностях образно-композиционного уровня художественного текста. Однако характер соотношения текстовых семантических полей с образами

может свидетельствовать как о выполняемой текстовым семантическим полем функции повышения семиотической значимости категории образа (что мы наблюдали на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»), так и о функции снижения семиотической значимости категории образа (как это происходит в полифоничных текстах). Независимо от выполняемой функции текстовые семантические поля позволяют исследователю выйти на категорию образа автора, образ изобразителя, отраженный в изображенном.

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Семантическое поле как текстовая структура // Теория поля в современном языкознании. Материалы научно-теоретического семинара. Ч. IV. Уфа, 1997. С. 3—6.
2. Новиков Л.А. Эскиз семантического поля // Л.А. Новиков. Избранные труды. Т. 2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 554—570.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976.
4. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Выш. шк., 1982.
5. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1995.
6. Валентинова О.И. Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов // О.И. Валентинова, В.Н. Денисенко, С.Ю. Преображенский, М.А. Рыбаков. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Языки славянских культур, 2016. С. 171—301.
7. Новикова М.Л. Отстранение как основа языковой семантики и структуры художественного текста: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2005.
8. Валентинова О.И. Семиотика полифонии. М.: РУДН, 2005.
9. Валентинова О.И. «Братья Карамазовы»: семантическое расследование // Русская речь. 2006. no 3. С. 7—13.
10. Валентинова О.И. Ф.М. Достоевский: учимся понимать // Русский язык за рубежом. 2006. no 3. С. 80—85.
11. Медведев Е.Ю. Переустановление семантических оппозиций как один из принципов организации литургийной православной проповеди // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. no 8 (3). С. 654—663.
12. Медведев Е.Ю. К вопросу о важности разграничения светской семиотической системы и религиозной семиотической системы при работе с богословскими текстами // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: международная конференция: V Бодуэновские чтения (Казанский федеральный университет, 12—15 октября 2015 года): труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. Т. 1. С. 227—229.
13. Медведев Е.Ю. Мера интерпретации библейского текста в литургийных проповедях разных составителей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. no 6 (4). С. 147—157.
14. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); М.П. Алексеев (гл. ред.). М.: Наука, 1981. Т. 6.
15. Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1992.
16. Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] В.И. Даля. Ч. 1—4. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863—1866.
17. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003.
18. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
19. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.

20. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
21. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М.: Едиториал УРСС, 2003.
22. Hoey M. Patterns of Lexis in Text [M]. Oxford: Oxford University Press, 1991.
23. Piaget J. Le structuralism. Paris, 1968.
24. Viet J. Les méthodes structuralistes dans les sciences sociales. Hague, 1965.
25. Zhu Yongsheng et al. Comparative Study of English Textual cohesive methods in English texts [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001.

References

1. Novikov, L.A. (1997). Semantic field as a text structure. Field Theory in Modern Linguistics In *Materials of the scientific and theoretical seminar. Part IV*. Ufa. pp. 3—6. (In Russ.).
2. Novikov, L.A. (2001). Sketch of the semantic field. In *L.A. Novikov. Selected Works. Vol. 2. Aesthetic aspects of the language. Miscellanea*. Moscow: RUDN University Press. pp. 554—570. (In Russ.).
3. Karaulov, Yu.N. (1976). *General and Russian ideography*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Novikov, L.A. (1982). *Semantics of the Russian language*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
5. Trubetskoy, N.S. (1995). *History. Culture. Language*. Moscow: Publishing group «Progress», «Univers». (In Russ.).
6. Valentinova, O.I. (2016). Systematic approach to the study of text and style: justification of the causal typology of texts In *O.I. Valentinova, V.N. Denisenko, S.Yu. Preobrazhensky, M.A. Rybakov Systematic view as the basis of philological thought*. Moscow: Languages of Slavic cultures. pp. 171—301. (In Russ.).
7. Novikova, M.L. (2005). Detachment as the basis of language semantics and structure of a literary text: Monograph. Moscow: RUDN University Press. (In Russ.).
8. Valentinova, O.I. (2005). *Semiotics of Polyphony*. Moscow: RUDN University Press. (In Russ.).
9. Valentinova, O.I. (2006). “The Brothers Karamazov”: Semantic investigation. *Vestnik “Russkaya rech”*, 3, 7—13. (In Russ.).
10. Valentinova, O.I. (2006). F.M. Dostoevsky: learning to understand. *Russian Language Abroad*, 3, 80—85. (In Russ.).
11. Medvedev, E.Yu. (2017). Resetting semantic oppositions as one of the principles for organizing liturgical Orthodox sermons. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 654—663. (In Russ.).
12. Medvedev, E.Yu. (2015). On the issue of the importance of distinguishing the secular semiotic system and the religious semiotic system when working with theological texts. *I.A. Baudouin de Courtenay and world linguistics: international conference: V Baudouin readings* (Kazan Federal University, October 12—15, 2015): *works and materials*. 2015. — Т. 1, 227—229. (In Russ.).
13. Medvedev, E.Yu. (2015) Measure of interpretation of the biblical text in liturgical sermons of different authors. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 6 (4), 147—157. (In Russ.).
14. Turgenev, I.S. (1981). Complete works and letters: In 30 vols. Academician of Sciences of the USSR, Institute of Russian Literature (Pushkin House); M.P. Alekseev (Ed.). Moscow: Nauka, Vol. 6. The noble nest; The day before; First love: [Novels, short story], 1858—1860. [Prep. and note. M.P. Alekseeva et al.]. (In Russ.).
15. Ozhegov’s Explanatory dictionary. S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 1949—1992. (In Russ.).
16. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. [Op.] V.I. Dahl. Part 1—4. Moscow: The island of lovers of Russian literature, institution. at the Imperial Moscow University, 1863—1866 (4 t.). (In Russ.).
17. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ed. by D.N. Ushakova. Moscow: State. Inst. “Sov. Encyclical”; OGIZ; Gos. State publishing house of foreign and national words, 1935—1940. (4 t.). (In Russ.).

18. Bakhtin, M.M. (1979). *Esthetics of verbal creativity*. Moscow. (In Russ.).
19. Vinogradov, V.V. (1959). *About the language of fiction*. Moscow: Goslitizdat. pp. 84—166. (In Russ.).
20. Lotman, Yu.M. (1970). *The structure of the literary text*. Moscow. (In Russ.).
21. Novikov, L.A. (2003). *Literary text and its analysis*. Second edition, corrected. Moscow: URSS editorial. (In Russ.).
22. Hoey, M. (1991). *Patterns of Lexis in Text* [M]. Oxford: Oxford University Press.
23. Piaget, J. (1968). *Le structuralism*. Paris.
24. Viet, J. (1965). *Les méthodes structuralistes dans les sciences sociales*. Hague.
25. Zhu, Yongsheng et al. (2001). *Comparative Study of English Textual cohesive methods in English texts* [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.

Сведения об авторах:

Van Na, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва); *сфера научных интересов*: теория языка, семиотика, семантика; *e-mail*: helenvanna@yandex.ru.

Ярослав Кобылко, кандидат филологических наук, Варшавский университет (Польша, Варшава); приглашенный преподаватель, ассистент кафедры русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов (Россия, Москва); *сфера научных интересов*: терминоведение, лингвистическая семантика, системный подход к исследованию текстов; *e-mail*: jaroslaw.kobylko@yandex.ru.

Information about the authors:

Van Na, Post-graduate student of the General and Russian Linguistics Department, RUDN University; *Research Interests*: language theory, semiotics, semantics; *e-mail*: ke6831@yandex.ru.

Jaroslaw Kobyлко, Ph.D., University of Warsaw (Poland, Warsaw), invited teacher, the Russian language Department № 2, Faculty of Russian language and General education, RUDN University (Russia, Moscow); *Research Interests*: terminology, linguistic semantics, system concept; *e-mail*: jaroslaw.kobylko@yandex.ru.